

ІСТОРІЯ

УДК 94(477) «1917/1922»:32

Солдатенко В. Ф.

Теоретичні обґрунтування українських проектів трансформації Російської централізованої держави в Федеративну демократичну республіку та революційна практика 1917–1922 років*

Розглядаються теоретичні концепції, що народжувалися та обґрунтовувалися у надрах національно–демократичного табору революційної України.

***Ключові слова:** теоретичні концепції, національно–демократичний табор, трансформація, революційна практика.*

(стаття друкується мовою оригіналу)

Хорошо известно, насколько тесно, неразрывно переплетены российская и украинская истории, судьбы двух славянских, близких народов. Не удивительно поэтому, что в украинской среде, в сознании критически мыслящих личностей на определенных этапах развития рождались соображения, выстраивались планы, касавшиеся перспективы государственности обоих субъектов, особенно тогда, когда в силу различных причин их взаимоотношения представлялись далекими от оптимальных, объективно требующими корректировки, подчас весьма существенной.

Непростой, достаточно противоречивый процесс налаживания совместной жизни после Переяславской Рады 1654 г. выявил две главные разновекторные тенденции.

Постепенно ощутив уже в Речи Посполитой, а потом и все более осознавая себя некой иной общностью («мы не поляки, не русские, не татары, не турки» и т. д., мы другие, отличающиеся самим естеством») после

* Статья представляет собой обработанную стенограмму доклада на международной научной конференции «Основные этапы развития российской государственности. Центр и периферия. X–XXI вв.», Москва, 30–31 октября 2008 г.

революции под руководством Б. Хмельницкого и заключения договора с Москвой украинцы получили возможность не просто сохранить свою этническую природу, но и обрели достаточно надежную перспективу, даже гарантию для ее упрочения, развития, формирования полноценного национального организма. Важно, что эта тенденция не могла не приниматься в расчет в будущем как один из решающих исторических аргументов.

Однако, встав на путь инкорпорации Украины (практика для того времени не то чтобы оправдываемая, но общераспространенная, и в этом смысле вряд ли безоговорочно порицаемая), Российская империя, точнее ее правители, перманентно стремились к сужению, а затем и искоренению национального начала, самобытного естества украинцев.

Конечно, они больше не испытывали тревоги за свое физическое выживание (как в предыдущий исторический период). Их не стремились низвести на какое-то второстепенное положение, сознательно ограничивать рост продуктивных сил, вводить неэквивалентный обмен, практиковать непропорциональную оплату труда, иную дискриминацию по национальному признаку и т. д. Расхожий тезис о колониальной зависимости Украины – это, скорее – гипербола, публицистический прием, который – содержательно не подтверждается при сколько-нибудь объективном сравнении положения Украины в составе Российской империи и взаимоотношений классических колоний и метрополий. Не случайно, к началу XX века в экономическом отношении Украины была одним из наиболее развитых регионов России со сравнительно высоким уровнем жизни [1,37].

Проблемы возникали несколько в иной сфере и оформлялись совершенно иначе.

Как всегда, весьма проникательно сформулировал свой взгляд и на менталитет украинцев и возможные связанные с ним российско-украинские коллизии Петр I. В одной из своих речей в Сенате он сказал: «Сей малороссийский народ и зело умен, и зело лукав: он, яко пчела любодельна, дает российскому государству и лучший мед умственный, и лучший воск для свечи российского просвещения, но у него есть и жало. Доколе россияне будут любить и уважать его, не посягая на свободу и язык, доколе он будет волом подъяремным и светочью российского царства: но коль скоро посягнут на его свободу и язык, то из него вырастут драконовы зубы, и российское царство останется не в авантаже» [2,138].

Однако, именно при Петре I, стремясь, очевидно, несколько приглушить самобытность украинцев, начались осуществляться расчетливые акции. В частности, царским указом 1720 г. в Украине было запрещено издание любых книг, кроме богословских, «дабы никакой розни и особливо наречия не было». В этом ряду и запрет о преподавании украинского языка в Киево-Могилянской академии (1753 г.), и запрет Синодом российской православной церкви печатания украинского букваря (1769 г.), и Валуевский циркуляр о запрещении на «малорусском» языке книг духовного содержания, учебных и вообще предназначенных для начального чтения (1863), и Эмский указ (1876 г.) относительно запрета ввоза в империю любых книг и брошюр на «малороссийском наречии», запрет сценических представлений, пения и чтения на этом «наречии» [3,19].

Предоставленные в начале XX в. некоторые послабления украинцам в языковой сфере после потрясений 1905–1907 гг. были отменены. Так

правительство П. Столыпина не пошло на реализацию инициативы депутатов Государственной Думы о введении украинского языка в программу начального обучения в школах. Повсеместно закрывались «Просвіти», одной из целей которых являлась популяризация родного языка, всячески преследовалась национальная печать [4,54–55].

Перманентные усилия, направленные на ухудшение социально–политического статуса украинского народа, ущемление его прав, свобод (конечно же, притеснения не ограничивались только языковой сферой, которая при всей своей важности еще и наиболее наглядно, убедительно проясняет картину), имели своим прямым следствием не затухание (на что рассчитывали проводники централизаторской политики), а усиление этнического самосознания и рост национальной оппозиционности [5].

Означенное не позволяет солидаризироваться с точкой зрения тех российских исследователей, которые считают акции против украинского языка, лишь «ситуативными» приемами, а в некоторых эпатажирующих и труднообъяснимых высказываниях высоких правительственных чиновников усматривают лишь излишне эмоции [6]. Весьма противоречивым и неубедительным выглядит стремление доказать, будто бы «жесткого русификаторства в Российской империи практически не было, несмотря на известного рода указы и циркуляры». «Сами пространства связали унификаторское рвение. К тому же вошедшее в традицию головопашество заметно смягчало политику такого рода. Все зависело от конкретного чиновника: один блюдет инструкцию слишком рьяно; другой, наоборот, взирает на мир философски. В итоге от первоначальных предписаний мало что остается» [7,104].

Очевидно ближе к истине позиция тех историков, которые квалифицируют культурно–языковую ассимиляцию в контексте мер по административному и правовому объединению и упрочению централизованного государства, «направленных на обновление России, включавших и продвижение русского языка как государственного и *lingua franca* (языка общения. – В. С.)» [8,138].

Более того, настойчиво и подчеркнуто именуемых «малороссами» украинцев вполне официально (в том числе и на основе достаточно распространенных, широко популяризируемых исторических концепций) считали лишь ветвью российского народа, а еще точнее – русской нации. Практически единственное отличие этой «этнографической ветви единого русского племени» от цельного, «основного» национального массива усматривалось разве что в обиходном диалекте. Последний часто трактовался только ухудшенным польскими влияниями и наслоениями русском языком.

Как пытались убедить себя и украинцев (а может быть – только последних) идеологи централизма, ассимиляторства, великодержавничества (последнего термина по большинству в упомянутых и иных публикациях всячески стараются избегать, концентрируя внимание лишь на проявлениях местного национализма, в очередной раз прибегая к давно разоблаченным Н. Скрышником приемам «двойной бухгалтерии» в национальном вопросе [9]), не будь упомянутого, в общем–то, совсем несущественного различия, не было бы проблем украинско–российских взаимоотношений, тем более – противоречий. А случись, что последние почему–то все же возникли бы, их можно без особого труда преод-

олеть – настолько сильны, глубинны, фундаментальны исторические корни естественного единства непосредственных наследников Киевской Руси. Однако при этом ощущалась (отчасти интуитивно угадывалась) потребность в специальной, неусыпной заботе об обеспечении любыми средствами нерасторжимого, единокровного родства, волевых методах этнонациоанльной интеграции. Потому – то апологеты великодержавничества и централизма стремились в тесных «братских» объятиях всячески «выдавить» любые намеки на отличия украинцев от русских, вытравить из них самобытный этнический дух.

Такая линия стала реальным воплощением процесса, наименованного историком А.Н.Сахаровым «складыванием русской самодержавной националистической идеологии», когда «верхи российского общества обратились к «рычагам национализма как к панацее против поднимающих голову национальных движений народов страны» [10,23–24]. Причем, речь может идти не только о подобном производном от сложившихся уже ситуаций феномене, но и об его упреждающей функции, что опять – таки естественно для сложных механизмов зарождения и применения полиэтнических идеологических конструкций.

Чем дальше, тем, наверное, больше начало осознаваться, что дело совсем не в самоценности языка как такового, когда казалось бы можно было проявить определенную, пусть небольшую благосклонность к региональной «экзотике» (ее внешними символами стал подчеркнутый интерес к народному, особенно песенному творчеству, к произведениям Н. Гоголя и т. п.). Именно сохранение собственного языка, как естественного водораздела между близкими нациями, которые все же не были этническим монолитом, служило той неустрашимой базой, которая с неизбежностью продуцировала бы «особность» (обособленность), отдельности многомиллионного народа с обширнейшей территорией, богатейшими природными ресурсами, развитыми продуктивными силами, детерминировала у него ту неотвратимую потребность самоидентификации и самореализации, на которую по праву претендует и которую рано или поздно осуществляет любая, тем более – мало – мальски зрелая, потенциально предрасположенная к самосовершенствованию этническая общность. Безусловно, в своем высшем проявлении речь идет о естественном праве нации самой определять свою судьбу, при желании – создавая свою собственную государственность, выбирать вектор движения в мировом пространстве со всеми вытекающими для соседей – пусть самых близких и даже родных – вероятными последствиями. Не стоит и говорить о перспективе прямой утраты значительной части того, что бесспорно именовалось «исконно русским» (не в прямой ли «генетической», а может лучше сказать – идейной связи с отрицанием такого природного права находятся утверждения о том, что и к 1917 г. «в России до нации объективно не мог «дозреть» ни один народ (за исключением жителей Финляндии и частично Царства Польского)»?) [11,209].

Непрекращающиеся, порой усиливающиеся попытки возвести на пути естественного развития, функционирования национального организма ограничения и преграды вызвали понятную, вполне объяснимую реакцию неприятия, сопротивления, породили потребность поиска изменения ситуации [12,31]. Не отрицая влияния «польской», «австрийской», «немецкой» «интриг», «галицийского фактора» в развитии националь-

ного и политического сознания, оформления соответствующих течений, стимулировавших обострение украинского вопроса, нельзя тем не менее относить их к первопричинным, определяющим, искусственно преувеличивать значение [12,7–31,170–187,248–249].

Стремление найти «золотую середину» в планах достижения желаемых перемен, когда бы не были потеряны, сохранены и даже упрочены преимущества совместного государственного существования и, одновременно, гарантированы условия пролонгации украинской, как, впрочем и любой иной национальной самобытности, привели к появлению концепций федерализации России. Она должна была стать семьей (союзом) равноправных народов, без ущемления прав в какой-бы то ни было сфере общественной жизни.

Идея славянского единства, в первую очередь русского, украинского и белорусского народов стала упрочиваться в головах части участников тайных обществ периода декабристского движения, к примеру – «Товарищества объединенных славян» (Ю. Люблинский, братья А. и П. Борисовы, И. Горбачевский, г. Новоград–Волынский, 1823 г.).

Эта идея вдохновляла интеллектуалов Кирилло–Мефодиевского братства: Т. Шевченко, Н. Костомарова, П. Кулиша, Н. Гулака, В. Белозерского. Она нашла последовательных сторонников в лице М. Драгоманова, участников повсеместно возникших по его инициативе «Громад».

Когда в конце XIX – начале XX веков обозначилась более радикальная тенденция – «самостийническая» («Братство тарасовцев», М. Михновский, программа Революционной украинской партии «Самостийна Украина»), она недолго смогла конкурировать с имевшей более глубокие идейные корни, ставшей по существу уже традиционной и представлявшей более реалистичной, перспективной концепцией автономистско–федералистского переустройства России. Она нашла свое воплощение в программах большинства (почти всех) политических партий украинства начала XX века (Украинская социал–демократическая партия, Украинский социал–демократический союз «Спилка», Украинская радикально–демократическая партия, Товарищество украинских поступенцов и др.), конкретизировалась и пропагандировалась украинской политической элитой (М. Грушевский, В. Винниченко, Н. Порш, С. Ефремов, Б. Гринченко, Е. Чикаленко и др.). Отказ от лозунга «самостийной Украины» объясняется отсутствием сколько–нибудь широкой его поддержки, желанием преодолеть порождаемые настроения настороженности в лагере антимонархических сил, опасениями его членения по национальному признаку. Ставшее программным требование «широкой территориальной автономии в федеративной демократической республике России», напротив, приближалось к доминирующим призывам «Прочь царя!», весьма органично дополняя и умножая его социальное содержание национальным компонентом (царизм – оплот не только социального, но и национального гнета).

Начавшаяся в 1917 году Украинская революция (она явилась составной частью демократических процессов, порожденных Февралем) за короткое время обнаружила доминирование в настроениях и стремлениях федералистской платформы (приверженцев Украинской партии самостийников–социалистов оказалось просто несравненное меньшинство). Официальным курсом Центральной Рады,

практически без идейного противодействия, стала автономистско–федералистская концепция, единодушно утвержденная Украинским национальным конгрессом 6–8 апреля 1917 года. Даже сторонники лозунга самостоятельности Украины в лице М.Михновского в первые месяцы национально–освободительной революции сочли необходимым несколько приглушить прежний радикализм, чем в известной степени способствовали формированию единого национального демократического фронта.

Кстати, вряд ли оправданной является позиция тех исследователей, идущих вслед за ними публицистов, которые не просто высказывают сомнения относительно квалификации событий в Украине как национально–демократической революции, иронично берут само понятие в кавычки, но и подыскивают для них как можно более хлесткие пренебрежительно–унизительные эпитеты, национальных лидеров считают психически неуравновешенными, «жуликами», а выработанные документы «смесью вранья и несуразиц» и т. п. [13].

Конечно, все содержание общественных процессов и потрясений в Украине 1917–1920 годах отнюдь не исчерпывалось только борьбой за достижение задач национального освобождения и возрождения в той или иной форме украинской государственности. Однако глубина, содержание, масштабность возникшего движения, наличие собственной платформы, функционирование политических центров, партий, оформление государственных образований, их выход на международную арену, самостоятельное участие в коалициях и многое другое свидетельствуют в пользу правомерности превалирующих в последние годы представлений о непростом феномене именно как о специфическом явлении, которое, будучи связано с другими революционными сдвигами, тем не менее – не «адекватно» ранее употреблявшимся для них характеристикам. Логично и вполне оправданно вести речь об эпохе революций, одной из которых была Украинская.

Главный теоретик и вдохновитель автономистско–федералистского курса Украинской революции М. Грушевский исходил из неотвратимости торжества в России демократии. Потому он предлагал не отделяться от России, наоборот, – принять максимально активное участие в ее превращении в «народоправную» республику, добровольный союз (федерацию) национально–государственных образований и, тем самым, добиться обеспечения достаточных прав угнетенным ранее народам, соответственно собственным интересам и целям, налаживать жизнь через систему своих национально–территориальных государственных органов. В Украине их олицетворением должно было стать Украинское Учредительное собрание.

В самых общих чертах стратегию Украинской национально–демократической революции и государственного созидания М. Грушевский очень четко сформулировал в одной из первых статей 1917 года – «Свободная Украина» («Вільна Україна»). «Требование народоправия и подлинно демократического строя на Украине в отделенной, несмешанной автономной Украине, связанной только федеративными узами то ли с иными племенами славянскими, то ли с другими народами и областями Российского государства, – это старый наш лозунг, – отмечал Глава Центральной Рады. – Поднятый еще в 1840–х годах наилучшими сынами

Украины Шевченко, Костомаровым, Кулишом, Гулаком, Белозерским и иными, он с того времени не переставал быть руководящим мотивом украинской политической мысли, организационной работы, культурной и общественной деятельности.

...Несомненно, он останется той сердцевиной политической платформой, на которой будет идти объединение жителей Украины без различия слоев и народностей. Средней между программой простого культурно–национального самоопределения народностей и требованием полной политической независимости» [14,99–100].

Следует иметь в виду, что предложенный вариант достижения нового качества украинско–российских отношений был научно обоснован, серьезно просчитан в целом ряде публицистических, адаптированных на рядового читателя, однако совсем не утрачивавших высокого теоретического уровня работ М. Грушевского той поры. Среди них: «Кто такие украинцы и чего они хотят», «Откуда пошло украинство и к чему оно идет», «Какой автономии и федерации хочет Украина», «Центральная Рада и ее универсалы: первый и второй», «На пороге Новой Украины» и др.

Глава Центральной Рады убеждал всех честных людей, тех, кто был способен логично мыслить и действовать (и украинцев и русских), в целесообразности, взаимовыгодности, выигрышности отстаиваемого варианта достижения гармоничных отношений двух соседних народов.

Украинцы рассчитывали получить возможность распоряжаться своей судьбой сообразно национальному интересу. Ведь обретением нацией таких демократических гарантий, исключением возможности вмешательства в украинское возрождение (в его основе – осуществление «украинизации Украины»), несомненно (во всяком случае – с достаточно высокой степенью вероятности – прогнозируемо), было развитие такой масштабной воли и энергии, что украинству стали бы вовсе не нужны искусственные отмежевания от чужих влияний или конкуренций. А принадлежность к великой и могучей державе позволяла бы эффективно воспользоваться ее очевидными преимуществами на международной арене, особенно важными в условиях продолжения мировой войны [15].

Предоставление автономии Украине, по мнению М. Грушевского, не только не привело бы к ослаблению общероссийского государства, к его распаду, чего панически боялась и чем всех так грозно пугала русская элита, а, наоборот, – усилило бы тягу автономных национально–государственных образований к сплочению вокруг исторически сложившегося центра, к осознанному объединению (а в результате, понятно, – умножению) усилий для совместного решения назревших проблем, продвижения по пути прогресса.

Подчас такая стратегия оценивается, с одной стороны, как слишком ограниченная, умеренная, а с другой – нереалистичная, иллюзорная, обманная, заранее обреченная на несбыточность. Однако следует подчеркнуть, что отличительной чертой М.Грушевского–политика был категорический императив – научно обосновывать каждый политический шаг. В основе предлагавшегося ученым курса лежит глубокий, очень предметный анализ социально–политических альтернатив, внимательное рассмотрение всех факторов, которые воздействовали на ситуацию, а

выбор наиболее приемлемого варианта деятельности выполнялся практически с безупречной убедительностью.

Думается, отсутствие радикализма, элементов экстремизма, сепаратизма в обосновании концепций украинского национального движения и федералистской трансформации России – отнюдь не проявление недостаточного уровня развитости национального организма и его самосознания на фоне более «продвинутых» этносов, как это нередко пытаются представить [16], а свидетельство совсем иного свойства. Лидеры Украинской революции исходили в своих логических построениях из учета конкретно–исторических условий развития своей нации и предлагали взаимоприемлемые, весьма конструктивные и перспективные варианты национально–государственного строительства.

Автономистско–федералистский курс Центральной Рады не оставался пустой кабинетной абстракцией, а очень оперативно превратился в устойчивые убеждения миллионов украинцев и материализовался в тысячах и тысячах резолюций самых различных форумов: от общенациональных и общепартийных до уездных и сельских, узкокорпоративных. Происходило уникальное органическое единение порождения научного интеллекта с инстинктивными стремлениями (точнее – неоформленными) волеизъявлениями широких масс.

Попутно следует заметить, что попытки некоторых современных историков и публицистов представить дело так, что массовая поддержка идейно–политической платформы Украинской революции была лишь результатом инспирирования ее националистическими лидерами [17,147], находятся в очевидном противоречии с многочисленными документами, собранными в объемных томах, вышедших в последние годы [18].

Центральная Рада вроде бы проявляла массам их внутренние порывы, настроения и объективно преобразовывала в идейный стержень быстро растущего движения. В трехтомнике заместителя Председателя Центральной Рады и Председателя Генерального секретариата Владимира Винниченко «Возрождение нации» есть характерный подраздел с ироничным названием «І хведеративна!» [19,175–179] (И федеративная!). Настоящий мыслитель, тонкий знаток национальной души и талантливый художник блистательно, пронзительно–тепло воспроизвел процесс вызревания массового политического и национального сознания, особенно в крестьянской среде. «На Украине, – пишет он, – все крестьянство верило Центральной Раде, ибо она была «своя», она хорошо знала потребности «простых людей» и хотела реализовать эти потребности. Эти потребности назывались «автономия Украины» и «федеративная Россия». В этих словах вмещались и пробужденная нежность крестьянства, и реабилитированная простота, и уважение к «простому» языку, и узаконение его отличия от «русского», «кацапа», и ликвидация оскорбительного вечного презрения этого «кацапа» к «хохлу», и, наконец, в этих словах было решение вопроса войны и земли. Реалистичный, монистический разум крестьянина эти две категории – национальное и социальное – сразу же сливал в одну, нераздельную, органично связанную между собой целостность. Кто за землю, тот и за Автономию. Кто против Автономии, тот и против земли.

...Крестьян окружали со всех сторон, засыпали доказательствами, хитрыми вопросами, ругательствами и враньем по адресу проводников украинства, провокационными слухами, призывали к себе, сманивали

обещаниями, – крестьяне на это только крутили головами и говорили: «І хведеративна!» [19,178–179].

Без большой опасности ошибиться можно утверждать, что любая другая идеологически–политическая конструкция, кроме лозунга «широкая национально–территориальная автономия в федеративной, демократической республике Россия», не могла так всколыхнуть украинские массы, объединить их, направить к общей цели. И если правилен тезис, что политика – искусство возможного, то стоит признать – к оптимально возможному приближался именно разработанный Центральной Радой курс.

Если не упрощать и не примитивизировать тогдашнюю ситуацию, то следует вполне обоснованно считать, что именно живой, заинтересованный отклик на выдвинутые лозунги не мог не служить для руководителей украинского движения дополнительным стимулом для приумножения усилий в реализации избранного курса. В значительной мере становится понятной та настойчивость, с которой Центральная Рада, получив от народа своеобразный мандат, стремилась претворить в жизнь автономистско–федералистскую программу в своих трех первых Универсалах, принципиально ее отстаивала во взаимоотношениях с Временным правительством, а затем и ленинским Совнаркомом.

Конечно, в данном случае речь идет о различных этапах революционной и государственно–созидательной поступи и, естественно, привели они к различным результатам.

После определенных трений и неуклюжих попыток противодействия неконтролируемым процессам, Временное правительство все же вынуждено было согласиться со введенной явочным порядком автономией Украины, легитимизировало Центральную Раду договоренностью о ее превращении в краевой орган (через включение в нее представителей национальных меньшинств), утвердило, хотя и с серьезным ограничением прерогатив, Генеральный секретариат как исполнительную краевую, то есть автономную власть, вело с Центральной Радой и Генеральным секретариатом переговоры, как с полноправными и полновесными государственными институтами, делало это по существу на межгосударственном уровне, даже конфликтовало как с вполне реальной серьезной национально–государственной силой (речь, в частности, и о Временной инструкции Генеральному секретариату от 4 августа 1917 г., и о распоряжении открытия уголовного дела за попытку начать подготовку к созыву Украинского Учредительного собрания и т. д.). К сожалению, снова приходится обращать внимание на односторонность подходов к проблеме некоторых историков, склонных доказывать, что «культура межнациональных отношений (имеются ввиду, конечно, деятели национальных регионов – В. С.) спускалась на племенной уровень», тогда как «великодержавная реакция» «носила вялый характер» [17,154].

Таким образом, невзирая на вполне понятные стремления многих тогдашних украинских политиков достичь большего (что, кстати, имманентно и ретроспективным оценкам определенной части современных отечественных историков), осуществлялась реальная, в основе своей демократичная трансформация украинско–российских отношений, снижавшая существовавшие острые противоречия и закладывавшая неплохую основу для их предупреждения в будущем.

Одновременно шаг за шагом как бы «нарабатывалась» модель функционирования полиэтнического государства в условиях торжества демократии, о стремлении к чему неустанно твердили практически все тогдашние политические силы.

Приход к власти большевиков внес существенные коррективы в этот процесс. Воспользовавшись исчезновением Временного правительства – до того главного тормоза процесса автономизации Украины, а также «Декларацией прав народов России», провозгласившей государственным принципом права наций на самоопределение, Центральная Рада 7 (20 н. ст.) ноября 1917 года обнародовала свой III Универсал.

Идея федеративного переустройства России в документе является сквозной, доминирующей, самой рельефной. Достаточно беглого взгляда на документ, чтобы убедиться в этом.

«Народ украинский и все народы Украины! – провозглашала Центральная Рада. – Тяжелое и трудное время выпало на землю республики Российской (тут и далее подчеркнуто мною. – В.С.). На севере, в столицах идет междуусобная и кровавая борьба. Центрального правительства нет, и по государству распространяется безвластие, расстройство и руина.

Наш край точно также в опасности. Без власти, сильной, единой, народной, Украина также может скатиться в бездну, усобицы, резни, упадка.

Народ украинский! Ты вместе с братскими народами Украины поставил нас охранять права, добытые в борьбе, творить порядок и налаживать жизнь на нашей земле. И мы, украинская Центральная Рада, во имя восстановления порядка в нашем государстве, во имя спасения всей России, сообщаем:

Отныне Украина становится Украинской Народной Республикой. Не отделяясь от республики Российской и сохраняя единство ее, мы твердо станем на нашей земле, чтобы силами нашими помочь всей России, чтобы вся республика стала федерацией равных и вольных народов...

Имея силу и власть на родной земле, мы этой силой и властью станем на страже прав и революции не только нашей земли, но и всей России» [20,398–399].

В полном согласии со всей Россией предполагалось решение конкретных неотложных задач текущего момента: прекращение войны и достижение мира, решение земельного, продовольственного вопросов, упорядочение производства и распределение продукции, организации труда и т. д.

Оканчивался Универсал таким призывом:

«...Граждане! Именем Народной Украинской Республики в федеративной России мы, Украинская Центральная Рада, призываем всех к решительной борьбе со всякими беспорядками и разрушениями и к дружественному великому строительству новых государственных форм, которые дадут великой и изможденной республике России здоровье, силу и новую будущность. Выработка таких форм должна быть осуществлена украинским и всероссийским учредительными собраниями...» [20,401].

Напрашивается вполне обоснованный вывод: беспокойства за судьбу всей России, кажется, больше, нежели за собственную, украинскую.

За Универсалом последовали обращения, ноты к руководству национально-территориальных и территориально-административных образований с предложениями присылать своих представителей в Киев для решения вопроса о судьбе России, т. е. о ее федеративном переустройстве. Нет оснований подозревать лидеров Украинской Народной Республики в неискренности, попытках вести какую-то сложную политическую игру со скрытыми целями. Украинские газеты взахлеб патетически вещали, что подобно тому, как когда-то «свет христианской веры пошел по всей великой земле русской именно из Киева, так и ныне порядка, спасения народы России ждут из все того же златоглавого Киева» [21].

В ноябре–декабре 1917 года Центральная Рада предприняла ряд шагов по налаживанию контактов с национально-государственными образованиями, возникшими в основном на восточных границах УНР: посылались дипломатические делегации на Дон, Кубань, к правительству «Юго-Восточного Союза» [22]. Основная цель переговоров – формирование федерации на принципе однородно-социалистической власти. На определенном этапе с подобными предложениями Генеральный Секретариат обратился и к Совнаркому Советской России.

Конечно, подобный поворот событий вряд ли ранее мог быть спрогнозирован. Редактор шовинистической газеты «Русская жизнь» А. Погодин с изумлением замечал: «История сыграла с нами странную шутку. Украина, которая отделялась от России (надо учитывать, что любые, самые ограниченные требования украинцев подобного рода силами квалифицировались сепаратизмом, ложившим начало отделению Украины от России. – В. С.), теперь оказалась призванной начать новое собрание земли русской» [23].

Однако поведение лидеров украинского национального движения было отнюдь не спонтанным, имело (больше всего – для самих себя) детерминированную логику.

За украинскими политическими деятелями уже на протяжении достаточно продолжительного времени начало закрепляться лидерство (на современном языке, очевидно, – неформальное) в национально-освободительном движении в целом в России. Еще до начала Первой мировой войны вокруг Товарищества украинских постепеновцев («поступовців» – ТУП) стал оформляться союз автономистов–федералистов во всероссийском масштабе. Не следует сбрасывать со счетов и того психологического эффекта, которое оказал на М. Грушевского и его коллег Съезд Народов, проведенный в Киеве в середине сентября 1917 года. Он стал яркой демонстрацией поддержки во всероссийском масштабе автономистско–федералистских стремлений лидеров украинского движения, признания их несомненной авангардной роли в выработке планов демократического переустройства многонационального государства.

Очевидно, не лишним будет упомянуть и о том, что логика расчетов Центральной Рады, пусть и с серьезными оговорками, немало в чем совпадала с генеральным направлением политических поисков путей создания советской федерации. Вспомним хотя бы ленинский лозунг «Пусть Россия будет союзом свободных республик!», родившийся в полемике именно вокруг вопроса об отношениях Украины с другими национально-государственными образованиями, возникновение которых считалось не просто вероятным, но, в сущности, неизбежным

и желательным [24,286]. А одно из ключевых положений «Декларации прав народов России» (2 ноября 1917 г.) – областная (территориальная) автономия для тех национально–административных единиц, которые не пожелают довести дело до национально–государственного отделения, – четкое декларирование прерогатив и принципов взаимоотношений субъектов будущей федерации.

Интересно, что дипломаты, политики западных стран в последние месяцы 1917 года приходили к заключениям о желательности некой федерации (или конфедерации) антисоветских правительств (в отдельных случаях высказывалась надежда и на участие в предполагаемой коалиции СНК как «правительства Петрограда, Москвы и окрестностей») для того, чтобы сорвать возможность заключения Советской властью сепаратного мира с немцами и, конечно же, изменить начавший осуществляться большевиками курс. Центральная Рада при этом фигурировала в планах как один из неперемных субъектов развития намечавшегося сценария [25], ради реализации которого предпринимались серьезные усилия представителей Франции и Англии в Киеве [26]. Конечно, не повлиять, хотя бы в определенной мере, на позицию и поведение лидеров УНР это не могло.

Впрочем, логично допустить и то, что в апеллировании Центральной Рады к правительствам краев и областей бывшей России о необходимости консолидации усилий с целью федеративного переустройства распадающегося государства прослеживается не только уверенность в правильности избранного пути, но и очевидный страх перед перспективой остаться один на один с петроградским правительством В. Ленина, не верие в собственные потенции, неготовность только своими силами решать наиболее проблемы даже внутриукраинского развития.

Все сказанное, естественно, с вышеупомянутыми предостережениями, может служить предметом для размышлений о тогдашних общих тенденциях, если не закономерностях российского развития. Поэтому и с данной точки зрения лидеры Центральной Рады искали и находили пути совершенствования российского многонационального государственного организма и определения своего созидательного места в нем на обусловленном объективными обстоятельствами направлении. Из возможных вариантов они избирали принципиально исходный, перспективный путь поступи, и, хотя и не с оптимальными достижениями, все же неуклонно преодолевали морально, политически, да и физически самый сложный, самый трудный начальный ее отрезок.

Однако, именно попытка воплощения планов обустройства России на избранном Центральной Радой пути привела к эффекту, обратному ожидавшемуся. Вопреки оптимистическим надеждам, никто из «негосударственных» прежде наций и народов не спешил приступить к строительству новой федерации. Ближайшие соседи, на которых рассчитывали как на неперемных, заинтересованных партнеров, судя по всему, просто не дозрели или просто не успели пройти необходимого пути, чтобы уже быть активными субъектами архисложного процесса. Свою роль, очевидно, играло и то, что сторонники более радикального решения вопросов национальной государственности – финны, поляки, отчасти прибалтийцы – не участвовали в этом процессе по иным, известным причинам: они в это время форсировано добивались независимости.

Єдинственная же позитивная реакция на инициативы Центральной Рады – главного тогдашнего врага большевистской власти генерала А. Каледина, сформировавшего самый мощный военный антисоветский оплот на Дону, – была равносильна вызову «огня на себя» как со стороны местных советов, так и из петроградского центра, объективно и автоматически поставила Центральную Раду в трагически самоубийственное для лидеров УНР положение воюющей стороны с СНК России.

Один из активных участников событий того времени, талантливый историк Д. Дорошенко вынужден был честно признать: «Это была явно непосильная и ненужная для Украины задача. Логика событий показала, что Украине надо было совсем отделиться от России, стать самостоятельным и независимым государством; она должна была признать правительство Народных Комиссаров, как правительство России, на основе обоюдного признания (большевики сами тогда постоянно подчеркивали, что признают за каждой нацией право на самоопределение вплоть до отделения) и – дать всероссийским делам покой. Украина имела перед собой такие колоссальные задачи внутренней организации, что гоняться за созданием всероссийской федерации, подвергая себя враждебности уже существующего фактически нового российского правительства – это была неосуществимая в тогдашних условиях задача» [27,185]. Мысли и планы, подобные высказываниям Д. Дорошенко, оформились в систему общепризнанных подходов несколько позднее.

А в ноябре–декабре 1917 года в результате реализации выработанного Центральной Радой курса вместо достижения нового, демократически–республиканского федеративного уровня отношений разразился острейший конфликт с радикальным (военным) финалом. Последнее, в сочетании со стремлением лидеров УНР включить в действие международные факторы, соответственно – принять участие в Брест–Литовской мирной конференции убедило Центральную Раду в необходимости пересмотра государственного статуса Украины [28].

Впрочем, провозглашенные 9(22) января 1918 года четвертым Универсалом независимость, полный суверенитет Украины вовсе не означали немедленного, решительного отмежевания Украины, отказа от выкристаллизованных планов трансформации России в демократическую, федеративную республику. Однако желанная федерация должна была объединить уже не автономные образования, а самостоятельные, суверенные, что, собственно говоря, больше соответствует общепринятым представлениям о конфедеративной модели государственного устройства.

Как бы там ни было, федеративному принципу (как способу объединения национально–государственных, территориальных образований в одном государстве) М. Грушевский, В. Винниченко, большинство их единомышленников не изменили и после эмоциональной реакции на сокрушительное поражение от советских, в том числе и российских, войск в январе 1918 года, снова и снова возвращались к нему на новых витках революции.

Основная причина такого последовательного, в чем–то даже упрямого поведения заключалась, очевидно, в устранимой вере в научно обоснованные, неоспоримые преимущества федералистской модели украинско–российских отношений, взаимодействия всех наций

полиэтнической страны, несомненное ее торжество в ближней, или более отдаленной перспективе.

Особого разговора заслуживает стремление гетмана П. Скоропадского принять участие в возрождении осенью 1918 года федеративной России на несоветской основе («небольшевистской России»).

Конечно, нельзя упускать из виду, что инициатива приходится на момент поражения Четвертого союза в империалистической войне, а это сразу ставило под большой вопрос саму дальнейшую судьбу гетманского режима, державшегося в решающей степени на силе немецко-австрийских штыков.

Впрочем, нельзя пренебрегать и тем, что генерал российской армии, дававший присягу на верность царю, убежденный монархист и, одновременно, украинец по происхождению, искренне желал бы оздоровления отношений юридически самостоятельной Украины, к руководству которой он пришел в экстремальных обстоятельствах (вынужден был «терпеть власть чужеземцев»), со столь же горячо любимой им великой Россией.

Весьма симптоматичными выглядят размышления П. Скоропадского, высказанные в его мемуарах. «Великороссы, – писал он, – должны понять, что старого не вернуть, и что как бы ни была ошибочна политика украинцев, Украина не погибнет, а снова и снова будет добиваться того, чего ей не дают...

Россия может возродиться только на федеративных началах, а Украина может существовать, только будучи равноправным членом федеративного государства» [29,307–308].

П. Скоропадский считал подобные перемены единственным путем достижения украинско-российского компромисса и принципиально предостерегал приверженцев «великой России» от соблазна воспользоваться лозунгом федерации в тактических целях. Он подчеркивал: «Все окраины думают: окрепнет Великороссия и снова примется за старый гнет всякой национальности, входящей в состав Российского государства. Я видел много украинцев, которые высказывали подобные опасения, да нечего далеко искать, тот же самый Винниченко, сидя у меня в кабинете, говорил при мне одному украинцу-федералисту, что он и сам ничего не имеет против федерации, но когда теперь говорить о федерации, то тогда русские ничего не дадут впоследствии, поэтому нужно стоять за «самостийность» до конца, которая и приведет к федерации» [29,308]. Попутно следует отметить, что сказанное диссонирует с логикой рассуждений тех авторов, которые считают гетманат попыткой осуществления тактических по замыслу планов «малороссийской Украины» [30,448–464].

Щекотливость ситуации заключалась в том, что лишенный поддержки австро-немецких оккупантов, не имея сколько-нибудь надежной гарантии (немцы серьезно побеспокоились о том, чтобы помешать созданию украинских вооруженных сил), гетман не мог «стоять за «самостийность» до конца», вынужден был пасовать перед партнерами (генерал П. Краснов, нарождавшееся и упрочивавшееся «белое» движение), идеологической платформой которых являлась концепция «единой и неделимой России». Принимая чужие правила игры, П. Скоропадский, видимо, осознавал (хотя это и не помешало ему провозгласить 14 ноября 1918 года. Грамоту о федерации с несоветской Россией – однако, это уже другой разговор: о тактике выживания), что реализация договоренностей с П. Красновым

не оставляла места не только для самостоятельной, но и автономной, в сущности – никакой Украины, просто ликвидировала бы ее субъектность, возвращала бы украинско–российские отношения к их исходному дореволюционному, реализующему старые, казалось бы уже превзойденные противоречия, и как результат к имманентно–конфликтному межнациональному состоянию.

Вспоминая о пророчествах В. Винниченко, П. Скоропадский с горечью должен был констатировать: «Как только я объявил федерацию с Россией, я сразу понял, что Винниченко был прав. Через несколько дней появления грамоты великорусские круги уже никакой Украины совершенно не признавали» [30,448–464].

При определенных обстоятельствах перспективными могли оказаться планы самого В. Винниченко, оформившиеся в альтернативной плоскости, – разрядить напряжение в отношениях возрожденной в ходе антигетманского восстания Украинской Народной Республики и Российской социалистической федеративной советской республики (конец 1918 г. – начало 1919 г.).

Критически проанализировав причины поражения УНР времен Центральной Рады, предвосхищая неизбежное после жестокого гетманско–оккупационного террора тяготение народа Украины к советской власти (нетрудно было предположить, что на стороне последней тенденции, как и в декабре 1917 года – январе 1918 года, окажется несравненно превосходящий военно–политический потенциал РСФСР), глава Директории считал единственным способом преодоления умножившейся на протяжении последнего года взаимной национальной вражды, предотвращения надвигающейся войны введение в Украине «системы советской власти» [19,133–140].

Доводы и соображения в этом плане были сразу же отвергнуты большинством Директории и руководством основных украинских политических партий, после чего В. Винниченко весьма оперативно предложил «усовершенствованный» паллиативный вариант – идею формирования в Украине республики трудового народа, политическим и государственным фундаментом которой явились бы трудовые советы («рады»), а венчал конструкцию политической системы Трудовой Конгресс Украины [31].

Трудовые советы, сформированные не по классовому принципу, – в их выборах имели бы право принимать участие все, не эксплуатирующие чужого труда, по расчету В. Винниченко, больше бы отвечали социальной структуре украинской нации, ее крестьянскому характеру, и, одновременно, были достаточно близкими российским, точнее – большевистским советам. Глава Директории говорил даже о родстве двух «диктатур» – диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства в РСФСР и диктатуры трудового народа в УНР [19,141].

Однако, в данном случае, очевидно, не столь важно выяснение степени тождества или различия между советами рабочих, крестьянских, красноармейских депутатов и трудовых советов (рад). Важно понять, что таким образом глава Директории, соображения и предложения которого были официально поддержаны руководящими органами украинских партий и правительством, оформлены соответствующими решениями в качестве государственного курса, стремился доказать, что реализацией его плана противоречия между Украиной и Россией снимаются, по крайней мере,

утрачивают если не принципиальный характер, то, уж, во всяком случае, антагонистическую остроту, что при доброй воле можно не только надеяться на мирную разрядку конфликтной ситуации, но и достичь заключения межгосударственного союза (федерации) для осуществления общих целей.

Нужно учитывать, что к такому варианту развития отношений проявляло интерес большевистское руководство Советской России, вокруг которой в 1919 году затягивалось кольцо фронтов, и разорвать их прочную цепь хотя бы в одном звене – означало облегчить общее положение республики. Поэтому, в частности, было уделено подчеркнутое внимание чрезвычайной дипломатической миссии С. Мазуренко, направленного в Москву главой Директории В. Винниченко и председателем правительства УНР В. Чеховским [32].

Однако, наметившийся на этом направлении явный прогресс был блокирован С. Пеглорой и его окружением, которые избрали ориентацию на Антанту, начали активно добиваться у командования интервентов в Одессе и Бирзуле благосклонности и поддержки, саботировав при этом принятые решения о трудовых советах, введя явочным порядком режим, получивший название атаманщины. С отставкой в ходе разразившегося правительственного кризиса с высших государственных постов В. Винниченко и В. Чеховского, приходом на первые роли в УНР С. Пеглоры возможности украинско–российского диалога практически исчезли.

Вместе с тем, не меньшую ответственность за срыв перспективы украинско–российского компромисса, имевшего не только временную тактическую ценность, но и шансы приобрести долговременное, стратегическое значение, В. Винниченко возлагал и на местных большевиков, Компартию Украины, в частности, на Г. Пятакова, возглавлявшего с 20 ноября 1918 года Временное рабоче–крестьянское правительство Украины. Именно последнее руководило борьбой за восстановление в регионе советской власти (значит – и против Директории), чем подталкивало правые круги УНР к разрыву нормализовавшихся отношений с РСФСР, объявлению последней войны [19,222–230].

И даже после этого В. Винниченко не изменил убеждению, что соглашение Украины с большевистской Россией на советской основе – наиболее приемлемый, желаемый, если вообще не единственный и, притом, принципиальный, вовсе не ситуативный, конъюнктурный вариант развития украинско–российских отношений. Потому, пребывая в эмиграции, он, с провозглашением Венгерской советской республики весной 1919 года, направился по приглашению Бела Куна в Будапешт для переговоров о возможности создания «советского пояса» – Россия – Украина – Венгрия и, возможно, далее – Бавария [33]. Логической основой взаимодействия в рамках такого пояса нетрудно предположить, лежали бы все те же федералистские принципы.

Да и в 1920 г. В. Винниченко провел четыре месяца в напряженных переговорах с партийно–советским руководством РСФСР и УССР о своем предполагаемом возвращении в Советскую Украину, добиваясь при этом больше всего гарантий «украинскости» для Украины как важнейшей предпосылки противодействия наслонениям на неразрешенные пока вновь нарождавшихся противоречий, что, несомненно, пошло бы на пользу обоим народам, их отношениям [34].

В данном случае важно иметь в виду, что речь идет не просто о позиции и поведении пусть выдающейся и влиятельной, но все же отдельной личности. В. Винниченко олицетворял довольно мощное течение формировавшегося в 1918–1920 годах украинского национал-коммунизма. В результате раскола в наиболее многочисленных и авторитетных партиях Украинской революции – Украинской партии социалистов–революционеров и Украинской социал–демократической рабочей партии (они неизменно доминировали и попеременно руководили правительственными кабинетами УНР) – отпочковались, организационно оформились Украинская коммунистическая партия (боротьбистов) (май 1919 г.) и Украинская коммунистическая партия (январь 1920 г.). Обе они, сконсолидовав в своих рядах большую часть членов функционировавших к тому времени бывших единых партийных организмов, приняли советскую платформу, вместе с КП(б)У делегировали своих представителей в составы правительств УССР, что, безусловно, расширило базу возможного сотрудничества и на международном (внутри многонациональной Украины), и на межгосударственном (Украина – Россия) уровнях, способствовало поиску координированных решений вставших задач.

Что касается подходов большевиков к проблеме украинско–российских отношений, то они выкристаллизовывались постепенно. При этом очевидной доминантой практически неизменно оставалась федералистская ориентация.

Надо сказать, что РСДРП(б) первой среди общероссийских партий заменила в политическом лексиконе термины «малоросс» и «Малороссия» на получившие «права гражданства» в 1917 году определения «украинец» и «Украина». Достаточно вспомнить даже названия ленинских статей лета 1917 года – «Украина», «Украина и поражение правящих партий России», а также «Манифест к украинскому народу с ультимативными требованиями к Украинской Раде» [35] и др. В официальных документах СНК, протоколах его заседаний (а он в последние два месяца 1917 г. 15 раз слушал вопросы, связанные с развитием событий в Украине, взаимоотношениях к ней) неизменно фигурируют термины «Украина», «украинский народ», «Украинская Рада» [36,75–76]. Однако куда важнее было то, что РСДРП(б) принципиально поддержала требования украинства относительно своего автономного статуса, решительно осуждала великодержавничество Временного правительства, а руководители киевских большевиков в знак солидарности с национально–освободительным движением в критические для Центральной Рады моменты даже направляли в ее состав своих представителей, принимали соответствующие, пусть с оговорками и предостережениями, резолюции, чем усиливали ее авторитет, умножали политический вес.

Преодолев проявления нигилистического отношения к украинскому вопросу, национально–освободительному движению первых месяцев революции, местные организации РСДРП(б) к концу 1917 года были практически едины в вопросе об образовании Украинского советского государства, о принципах его взаимоотношений с советской Россией. Провозгласив 12 (25) декабря 1917 года Украину советской республикой (с официальным названием Украинская Народная Республика), I

Всеукраинский съезд советов заявил о том, что она становится федеративной частью Российской советской социалистической республики.

Были преодолены сепаратизм части руководства большевистских организаций Донецко–Криворожского бассейна, приведший к образованию в регионах отдельной советской республики с ее прямым вхождением в РСФСР [37].

II Всеукраинский съезд Советов (Екатеринослав, 17–19 марта 1918 г.), реагируя на условия подписанного Советской Россией Брестского мира, провозгласил Украину самостоятельной республикой. Национальная государственность стала для местных большевиков одним из важнейших, определяющих мотивов всей политической жизни. Хорошо известно, с какой серьезностью первый официальный глава Народного Секретариата (правительства) Украины Н. Скрыпник относился к самому факту существования УССР, как принципиально защищал ее в острой полемике–конфликте со И. Сталиным в апреле 1918 года, когда рядом РСФСР по делам национальностей потребовал от большевиков Украины «прекратить игры» в правительство и республику [38,62–65].

В последующем, под влиянием известных факторов, порожденных общими потребностями отстаивания советского строя в гражданской войне, отпора интервенции, необходимостью координации и консолидации усилий в реализации планов революционного, социалистического созидания нарастали объединительные настроения и тенденции. Важными вехами последних стали Военно–политический союз советских республик (июнь 1919 г.), инициатором которого стала УССР, и экономический договор с РСФСР (декабрь 1920 г.).

Время от времени звучали и довольно громкие призывы к слиянию двух республик. Однако подавляющее большинство коммунистов на местах выступали за сохранение украинской национальной государственности и дальнейший поиск оптимальных вариантов союзного, федеративного единения с Советской Россией. Надо сказать, что такая позиция находила не только понимание, но и поддержку руководства РКП(б), хотя сегодня подобная гибкая линия иногда находит резкое осуждение, воспринимается как «плод большой фантазии кабинетных теоретиков» [39,288–289]. Однако, именно терпеливость, взвешенность, расчетливость, национальный такт приводили в конце–концов к тому, что, казалось бы, неизбежные центробежные тенденции неизменно и в общем надежно трансформировались в центростремительные.

Очевидно, уместно вспомнить о том, что именно с Украины в Москву поступали достаточно мощные импульсы, касающиеся как формирования единого дипломатического фронта на Генуэзской конференции, так и выхода на выработку общих параметров, принципов функционирования советских республик, их консолидации в некую новую общность.

Так, 6 февраля 1922 года пленум ЦК КП(б)У обсудил, а 11 марта Политбюро ЦК КП(б)У приняло специальное постановление о взаимоотношениях между РСФСР и УССР. В документе речь шла о необходимости конкретизации взаимодействия центральных и местных органов управления, уточнения их прав и обязанностей. Д. Мануильскому (первому секретарю ЦК КП(б)У) и М. Фрунзе (командующему вооруженными силами Украины и Крыма) поручилось добиться в Москве создания специальной комиссии из членов ЦК РКП(б) и ЦК КП(б)У, которой

надлежало выработать предложения относительно регулирования взаимоотношений между республиками [40,100].

11 мая Политбюро ЦК РКП(б), рассмотрев проявленную инициативу, согласилось с необходимостью создания специальной комиссии, в которую должны были также войти представители Беларуси и Закавказской Федерации. Такую комиссию для выработки предложений очередному Пленуму ЦК возглавил И. Сталин, предложивший известный план «автономизации» [41,191–193].

Проект вызвал решительное неприятие со стороны включенного в состав упомянутой комиссии Председателя СНК Украины Х. Раковского, квалифицировавшего документ как покушение на национальный суверенитет Украины, нарушение достигнутого, пусть несовершенного, неабсолютного, в чем-то даже ассиметричного равновесия в украинско-российских отношениях. Отстаивая украинский интерес, Х. Раковский с демократических позиций выступал за торжество подлинного равноправия в создаваемом государственном объединении, принципа добровольности при вхождении в него. В процессе конституирования СССР он последовательно отстаивал необходимость гарантий суверенитета национальных советских республик, хотя добиться успеха не смог, потерпел поражение [42].

Тем не менее, в образованном в 1922 году Союзе Советских Социалистических Республик, в его основополагающих документах в определенной мере воплотились настроения и стремления значительной части украинства, его политической элиты, предлагавшей свои планы трансформации бывшей единой и неделимой России в федеративную демократическую республику.

Конечно, достигнутый результат значительно отличался от теоретических концепций, зарождавшихся и обосновывавшихся в недрах национально-демократического лагеря, хотя бы потому, что социальное устройство страны не предполагалось настолько радикально «продвинутым», подвергшимся кардинальным революционным преобразованиям. Однако, без сомнения, пропагандируемые украинскими лидерами автономистско-федералистские идеи оказали свое влияние на умонастроения широкого слоя их соотечественников. Они также непременно должны были учитываться и при выработке общей, «итоговой» модели общежития двух народов, распространявшейся как принцип на взаимоотношения всех иных наций и государственных образований, возникших на просторах бывшей России, и, очевидно, проделывавших тогда в чем-то сходную поисковую творческую работу. Уже одно это предполагает пристальное внимание к накопленному опыту, его непреходящим урокам.

Література

1. См.: *Солдатенко В.Ф.* Историческое наследие Переяслава и поиск путей разрешения украинско-российских противоречий в XX веке // История русско-украинских отношений в XVII–XVIII веках (К 250-летию Переяславской Рады. Бюллетень. Выпуск 2. – М., 2006.

2. Цит. по: *Овсій І.О.* Зовнішня політика України. Від давніх часів до 1944 року – К., 1999.

3. *Переяславська угода 1654 року: історичні уроки для українського народу*. Аналітичні оцінки Національного інституту стратегічних досліджень. – К., 2004.

4. См.: *Национальная политика*. История и современность. – М., 1997.

5. См.: *Сахаров А.Н.* Россия в начале XX века: народ, власть, общество. Введение // Россия в начале XX века. – М., 2002. – С.32–33; *То же* // Сахаров А.Н. Россия: Народ. Правители. Цивилизация. – М., 2004. – С.316–317; *Гатагова Л.С.* Межэтнические отношения // Россия в начале XX века. – С.146, 163 и др.

6. См., напр.: *Михутина И.В.* Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века). – М., 2003. – С.21–30; *Ее же*. Переяславская Рада и историческая судьба Галиции // История русско–украинских отношений в XVII–XVIII веках (К 350–летию Переяславской Рады). Бюллетень. Выпуск 2. – М., 2006. – С.49.

7. Булдаков В. Семнадцатый век и семнадцатый год // Родина. Российский исторический иллюстративный журнал. Россия и Украина: вехи истории. – М., 1999. – № 8.

8. *Канпелер А.* Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // Россия – Украина: история взаимоотношений. – М., 1997.

9. *Скрипник М.* Статті й промови. – Т.ІІ. – Ч.ІІ. – Харьков, 1931. – С.12; *Солдатенко В.Ф.* Незламний. Життя і смерть Миколи Скрипника. – К., 2002. – С.133–134.

10. *Сахаров А.Н.* Основные этапы и особенности русского национализма // Россия в XX веке. Проблемы национальных отношений. – М., 1999.

11. *Булдаков В.П.* Феномен революционного национализма в России // Россия в XX веке. Проблемы национальных отношений. – М., 1999.

12. См.: *Михутина И.В.* Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века). – М., 2003.

13. См., напр.: *Булдаков В.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. – М., 1997. – С.142, 149; *Его же*. Семнадцатый век и семнадцатый год. – С.107; *Его же*. Феномен революционного национализма в России. – С.214; *Дикий А.* Красная свитка: неизвращенная история Украины–Руси от запорожцев до коммунистов. – М., 2007. – С.71, 73, 86, 99; *Широкопад А.* Россия и Украина. Когда заговорят пушки... – М., 2007. – С.266–269; 277–279 и др.

14. *Вільна Україна* // Великий Українець. Матеріали з життя та діяльності М. Грушевського. – Київ, 1997.

15. Концепція Української революції детально досліджена в монографіях: *Солдатенко В.Ф.* Українська революція: концепція та історіографія. К., 1997. – С.107–183; *Его же*. Українська революція. Історичний нарис. – К., 1999. – С.156–201.

16. См., напр.: *Булдаков В.П.* Природа революционного национализма в России. – С.209; *Гатагова Л.С.* Назв. раб. – С.141–142 и др.

17. См.: *Булдаков В.* Красная смута. – М., 1997.

18. *Українська Центральна Рада*. Документи і матеріали у двох томах. Т.1. – К., 1996. – 590 с.; Т.2. – 1997. – 424 с.; *Український національно–визвольний рух*. Березень – листопад 1917 року: Документи і матеріали. – К., 2003. – 1024 с.

19. *Винниченко В.* Відродження нації. – Київ–Відень, 1920.

20. *Українська Центральна Рада*. Документи і матеріали у двох томах. Т.1. – К., 1996.

21. См.: *Робітничка газета* (Київ). – 1917. – 5, 7 листопада; 5, 8 грудня; *Селянська думка* (Тараща). – 1917. – 16 листопада; *Известия Армейского комитета VII армии*.

(Проскуров). – 1917. – 20 ноября; *Народна воля*. (Київ). – 1917. – 10 декабря и др.

22. См.: *Матвієнко В.* Українська дипломатія 1917–1921 років на теренах постімперської Росії. – К., 2002. – С.62–69;95–97; *Ведєнєєв Д.В., Будков Д.В.* Юність української дипломатії. Становлення зовнішньополітичної служби Української держави. 1917–1923 рр. – К., 2006. – С.81; *Кудлай О.* Створення та діяльність народного міністерства міжнародних справ Української Народної Республіки (червень 1917 – квітень 1918 рр.). – К., 2008. – С.50–57.

23. *Русская жизнь* (Харьков). – 1917. – 8 декабря.

24. См.: *Ленин В.И.* I Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. 3–24 июня (10 июня – 7 июля 1917 г.). Речь о войне 9(22) июня // Полн. Собр. Соч. – Т.32.

25. См.: *Ганелин Р.Ш.* Советско–американские отношения в конце 1917 – начале 1918 г. – Л., 1975. – С.259; *Старцев В.И.* Немецкие деньги и русская революция: ненаписанный роман Фердинанда Оссендовского. 3–е изд. – СПб., 2006. – С.73–74.

26. См.: *Нариси з історії дипломатії України*. – К., 2001. – С.322; *Солдатенко В.Ф.* Українська революція й пошук зовнішньополітичних орієнтацій УНР // Україна дипломатична. Науковий щорічник. Вип. III. – К., 2003. – С.377.

27. *Дорошенко Д.* Історія України 1917–1923 рр. – Т. I. Доба Центральної Ради. – Ужгород, 1932.

28. См. подробнее: *Солдатенко В.Ф.* Третій Універсал Центральної Ради і плани федеративного переустрою Росії // Український історичний журнал, 2003. – № 4. – С.3–10.

29. *Скоронадський Павло.* Спогади. Кінець 1917 – грудень 1918. – Київ–Філадельфія, 1995.

30. См.: *Верстюк В.Ф., Горобець В.М., Толочко О.П.* Українські проекти в Російській імперії. – К., 2004.

31. Подробнее см.: *Солдатенко В.* «Вінницькі шаблі» державного проводу УНР // Україна: минуле, сьогодні, майбутнє: Зб. наукових праць. – К., 1999. – С.3–15.

32. См.: *Симоненко Р.Г., Реєнт О.П.* Українсько–російські переговори в Москві (січень–лютий 1919 р.); Зб. документів. – К., 1996. – 85 с.

33. См.: *Винниченко В.* Щоденник // Київ. – 1990. – № 10. – С.105–107.

34. См.: *Солдатенко В.Ф.* Епізод політичної біографії В. Винниченка: спроба повернення в Україну // Події і особистості революційної доби. – К., 2003. – С.205–250; *Его же.* Три Голгофи. Політична доля Володимира Винниченка. – К., 2005. – С.126–202; 296–337.

35. См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. – Т. 32. – С.341–342, 350–352; Т. 35. – С.143–145 и др.

36. См.: *Солдатенко В.Ф.* До конфлікту Раднаркому Росії з Центральною Радою (особистісний зріз) // Події і особистості революційної доби. – К., 2003.

37. См.: *Курас І., Солдатенко В.* Ілюзії й практика національного нігілізму: погляд із сьогодення на Донецько–Криворізьку республіку // Пам'ять століть (Київ). – 2000. – № 6. – С.60–77; *Их же.* Соборництво і регіоналізм в українському державотворенні (1917–1920 рр.). – Київ, 2001. – С.37–64.

38. См.: *Солдатенко В.* Незламний. Життя і смерть Миколи Скрипника. – Київ, 2002.

39. См.: *Широкопад А.* Россия и Украина. Когда заговорят пушки... – М., 2007.

40. *Сила інтернаціоналістського гарту* (Діяльність партійних організацій України по інтернаціональному вихованню трудящих). – К., 1983.

41. См.: *Из истории образования СССР* // Известия ЦК КПСС. – 1989. – № 9. – С.191–193.

42. См.: *Там же*. – С.194–217; *Мельниченко В.* Христиан Раковский. Неизвестные страницы жизни и деятельности. – Київ, 1992. – С.42–77.

Солдатенко В.Ф. Теоретические обоснования украинских проектов трансформации Российского централизованного государства в Федеративную демократическую республику и революционная практика 1917–1922 годов

Рассматриваются теоретические концепции, зарождавшиеся и обосновывавшиеся в недрах национально–демократического лагеря в революционной Украине.

Ключевые слова: теоретические концепции, национально–демократический лагерь, трансформация, революционная практика.

Soldatenko, V.F. Theoretical substantiation of the Ukrainian projects on transformation of the Russian centralised state into a Federal democratic republic and the revolutionary practice of 1917–1922

Review of theoretical concepts, conceived and lodged in the interior of the national and democratic camp in the revolutionary Ukraine.

Keywords: theoretical concepts, national and democratic camp, transformation, a revolutionary practice.